

ками институтов, но за научную работу отвечать не могут. Они в этом некомпетентны, но отвечать вынуждены. А Академия наук, которая по смыслу должна отвечать за институты, не отвечает по закону.

— Академическое сообщество высказывает абсолютно логичные мысли. Возможно ли, чтобы здравый смысл восторжествовал? Вы сами в это верите?

— Что бы я на это ни ответил, цена моим словам – копейка. Наши власти в этом деле пока непредсказуемы. Я знаю, в том числе от Сергеева, что президент выступает за подъем статуса Академии. Ведь о чем говорит здравый смысл: сейчас, в условиях санкций, мы должны перейти на самообслуживание и в научной сфере, а без Академии наук поднять такое практически невозможно. К сожалению, когда в нулевые годы у нас появились нефтяные деньги, победила идея вестернизации науки. А на Западе ее делают в основном в университетах.

— Но там же всё по-другому устроено, и автоматической кальки быть не может?

— Конечно. И у нас начали вкладывать, на их взгляд, безумные деньги в университеты. И что получилось: вузам дали приборы, и теперь они в основном стоят, потому что нужна обслуга из высококвалифицированных людей. А еще нужны материалы, но этого ничего нет. Вот и получилось, что система слабо работает, и загруженность ее мала. Другое обстоятельство – времени у преподавателей на науку очень мало, потому что основную обучающую нагрузку с них никто не снимал. Они разрываются надвое. Если вы говорите, что наука должна развиваться в университетах, так создавайте условия.

— У российской академической науки, без которой, понятное дело, развитие общества невозможно, есть перспективы приоритетности, конкурентности и лидерства? Как вы это видите?

— Новый президент РАН считает, что всю науку на одном высоком уровне мы сейчас ох-

ватить не сможем. Но это не значит, что какими-то областями заниматься надо, а какими-то – нет. Поэтому Сергеев и говорит о трех уровнях.

Там, где мы «мелко плаваем», должны быть хотя бы на уровне понимания. Пусть пока нет сил перехватить инициативу, но хотя бы знаем, что нужно сделать, чтобы продвинуться. Следующим будет уровень, на котором мы сможем работать примерно наравне с другими, то есть, быть конкурентными. Наконец, у нас есть такие области, где возможны прорывы, инициатива принадлежит нам, и мы должны быть лидерами. Это возможно, но мы должны иметь крупные программы.

Вообще, Сергеев – сторонник таких программ, где задействовано большое число людей, и он сам в них работает. Но, как правило, все они реализуются за рубежом, хотя русские участники есть, и они играют значительную роль – не только идейно, но и материально, как было в случае с открытием гравитационных волн. Это в нашем Институте прикладной физики (ИПФ РАН – ред.) сделана значительная часть детектора, без которого эксперимент просто бы не удался. Но, как видите, за открытие кто-то получил Нобелевскую премию, а наших там нет. Наверное, в этом есть и политика, и коррупция, и всё, что угодно.

— И всё же, вы говорите об надеживающих вещи...

— Если вдруг создадут такой фонд от налогов на олигархов, и деньги пойдут на оборудование, мы сможем быть в себе уверены. Но это, если... Надо учесть, что у Академии наук есть враги: они были всегда, и их присутствие ощущалось еще с ельцинских времен. Ему трижды подавались предложения о закрытии Академии, и трижды он кидал бумагу в лицо и говорил: «Больше ко мне с этим не подходить». Сейчас таких записок не подают, но враги работают по-другому.

— В институте металлоорганической химии вы уже порядка 50 лет. Четверть века возглавляли, а ныне – научный руководитель. Академическая наука в России раз-

вивалась на ваших глазах, при вашем участии. Вы разное переживали – и взлеты, и падения.

— Директором я стал с 1 января 1989 года. Времена и тогда были непростыми, но мы еще не понимали, что может быть куда тяжелее, как оказалось после распада СССР. Чтобы выжить в наших условиях, надо не просто существовать, а еще и показывать миру, что мы неплохо работаем.

Когда денег стало не хватать абсолютно, появились научные фонды, где можно было получить гранты. Первым был Российский фонд фундаментальных исследований, где можно было получить средства за работы мирового уровня. Потом появились и другие гранты, в частности, грант научных школ. Это были маленькие деньги, но, тем не менее, их выдавали через конкурс раз в два года.

Все эти гранты по научной школе с начала 90-х и по сей день я выигрывал – правда, начиная со следующего года, этого не будет. Наш природный идиотизм дошел до того, что руководители научной школы должны иметь возраст до 50 лет. Так решили основатели программы, но это же глупость.

— Фонды стимулируют привлечение молодежи, соответствие работ мировому уровню. Скажите, в нынешних условиях возможно ли соответствовать?

— Вопрос очень нетривиальный. Возможно вести работы, которые будут соответствовать мировым тенденциям, но какое-то ограниченное время. Мы пробиваем тропинку, собираем там все, что растет. Далее это подхватывают другие, и тропинка превращается даже не в дорогу, а во взлетно-посадочную полосу. И до свидания. Можно уходить с дороги – мы уже не конкуренты. Можно найти другую дорожку рядом, что во многом зависит от наших способностей и до сих пор удавалось. Понимаете, в науке есть много аспектов, которые нам почти не доступны, прежде всего, из-за приборных возможностей. Приборы, которые мы используем, стоят очень дорого, и в России их практически не делают.

20

докторов

60

кандидатов наук

Среди 120 сотрудников
ФГБУН «Институт
металлоорганической химии
им. Г.А. Разуваева РАН».